

ЖИЛЬБЕР ШАРЛЬ ПИКАР

КОЛЕТТ ПИКАР

КАРФАГЕН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УСТРОЙСТВО

РЕЛИГИЯ

КУЛЬТУРА

АРМИЯ

ЛЕТОПИСЬ ЛЕГЕНДАРНОГО
ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА
С ОСНОВАНИЯ
ДО ГИБЕЛИ

**Коллет Пикар
Жильбер Шарль Пикар
Карфаген. Летопись
легендарного города-
государства с
основания до гибели**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25096947

Карфаген. Летопись легендарного города-государства с основания до гибели / Пикар Ж.Ш., Пикар К.. Пер. с англ. Е.В. Ламановой.:

Центрполиграф; Москва; 2017

ISBN 978-5-9524-5264-0

Аннотация

Карфаген – самое загадочное и малоизученное государство Древнего мира. Французские историки Ж.Ш. Пикар и К. Пикар на страницах своей книги воссоздают семивековую историю легендарного города-государства, основанного финикийцами на Африканской земле, опираясь на греческие и римские источники, а также на научные данные, полученные ими в археологических экспедициях. Авторы описывают культуру, религию, политический строй, торговые связи и взаимоотношения Карфагена с другими странами, рассказывают,

как в течение веков небольшая финикийская колония богатела и расширялась, захватывая все новые и новые территории, пока не превратилась в грозную соперницу Рима. В последних главах историки освещают военные кампании Ганнибала, одного из величайших полководцев древности, и завершают свою книгу описанием разгрома и гибели Карфагена.

Содержание

Предисловие	8
Глава 1	14
Тир и Таршиш: открытие Запада	14
Основание Карфагена	36
Карфаген. Ворота на запад	49
Первоначальный город	52
Ремесла и искусство	54
Торговля	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Жильбер Шарль
Пикар, Колетт Пикар
Карфаген. Летопись
легендарного
города-государства с
основания до гибели**

GILBERT CHARLES PICARD

COLETTE PICARD

The Life and Death
of
Carthage

**A SURVEY OF PUNIC HISTORY AND CULTURE
FROM ITS BIRTH TO THE FINAL TRAGEDY**

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Предисловие

Большинство исследователей истории Карфагена согласны с тем, что Западное Финикийское государство оставалось практически неизменным в течение шести или семи веков своего существования. Этого мнения придерживался в своем труде и Гсел, книга которого до недавнего времени оставалась основной работой по этой теме, что наложило отпечаток на все его книги, как и на труды многих других исследователей. В них сначала описываются разные теории, связанные с Тирийской колонизацией, а потом отдельно изучается внутренняя и внешняя политика Карфагена, причем внутренняя везде преподносится одинаково. Гсел использовал все сведения, оставленные нам древними писателями в своих книгах, вне зависимости от времени их создания, однако он не предпринял никаких попыток свести весь этот материал в единое целое. Это касается описания обычаев, религиозных верований и даже хозяйственной жизни Карфагена. Гсел, несомненно, пытался свести к минимуму значение любых изменений или эволюции. Так, он сам, а в недавнее время и Уормингтон пытались доказать, что должность суфкетов в Карфагене появилась уже в глубокой древности, хотя достоверная информация по этому вопросу, которой мы обладаем, относится лишь к двум последним векам существования этого города. Свидетельства о культуре Танит также от-

носятся к более позднему времени, тем не менее эту богиню часто считают всего лишь усовершенствованным воплощением кипро-финикийской богини-матери, которую ввела в религию Карфагена Дидона.

В нашем труде все построено иначе. Автор разделил историю Карфагена на хронологические отрезки, в каждом из которых описывается вся структура финикийского сообщества в Африке, ее зависимость от этого сообщества. Например, во время правления Магонидов (около 550–396 до н. э.) Карфаген находился в состоянии открытого конфликта с греками в отношении контроля над Западным Средиземноморьем и имел поэтому милитаристскую монархию. В дальнейших попытках сдержать экспансию эллинов Карфаген вступил в союз с этрусками, благодаря чему между двумя народами возникли тесные культурные связи. Это подтверждают крупные открытия, сделанные Паллотино в Пирге.

Теория о «монолитной» истории Карфагена была основана на том, что пунический язык является семитским, родственным ивриту, что евреи и арабы ведут очень интенсивную религиозную жизнь и крайне консервативны, и потому одни и те же принципы обобщения можно применять ко всем народам, говорящим на языке этой группы. Конечно, Народ Книги старается следовать ее заветам как можно точнее и часто считает все нововведения грехом, но, несмотря на сходство еврейской и финикийской религий, в последней эта тенденция была выражена гораздо слабее, чем в первой.

Более того, пуническая экономика была основана на морской торговле и коренным образом отличалась от экономики Израиля, а еще больше – от пасторального, кочевого образа жизни, который господствовал в Аравии и в древности, и сейчас. С этой точки зрения карфагеняне были гораздо ближе к грекам, чем другие семиты. Аристотель изучал их «политейю», используя информацию, которая до нас не дошла, и сделал вывод, что она очень похожа на политику некоторых греческих городов.

Ни одна из традиций древности не подтверждает теорию о том, что Карфаген всегда был одинаковым. Классические авторы конечно же отмечали, что жители Карфагена упорно держатся за некоторые обычаи, которые уже давно устарели, – например, за обычай человеческих жертвоприношений. Но подобное «окаменение», ограниченное четко определенными видами деятельности, прослеживается и в ряде других сообществ, но при этом структура общества может радикально изменяться. Рим славился своим религиозным консерватизмом; это мнение, выражаемое древними, было подкреплено Дулизилом, который обнаружил, что основы латинского общества уходят корнями в древнейшие индоевропейские сообщества; однако это не помешало римлянам первыми в средиземноморском мире перейти от города к государству.

На самом деле идея о том, что современники Ганнибала жили и думали точно так же, как спутники Дидоны, возник-

ла потому, что до нас дошло очень мало сведений и предметов, связанных с Карфагеном. Все авторы Античности, за исключением Аристотеля, проявляли интерес к Карфагену только в одном вопросе – в его отношениях с греками и римлянами. Освещая эту тему, они попутно приводили немногочисленные сведения о законах и обычаях карфагенян. Картина, собранная по частям, имеет множество пропусков, и современные авторы, естественно, попытались заполнить эти лакуны своими домыслами, полагая, что утверждения, справедливые для одного периода, подходят и для другого, если не имеется доказательств обратного.

За последнее время, однако, наши знания значительно расширились, благодаря находкам археологов. Когда Гсел издавал свой большой труд (1913–1929), единственными дошедшими до нас сооружениями были гробницы Карфагена, а методы классификации материала, который в них содержался, были далеки от совершенства. Наш подход к большому числу вопросов изменился после обнаружения тофета (святилища) Саламбо (его раскопки велись с 1921 по 1949 год), раскопок домов и храмов Карфагена, изучения города III и II веков до н. э. в Дар-эс-Сафи около Керкуана на полуострове Кап-Бон и находок итальянских археологов на Сицилии, Сардинии и Мальте. К примеру, дата основания Карфагена – 814 год до н. э. – была установлена на основе изучения древних текстов и признавалась всеми учеными, однако археологический материал, найденный на месте города, да-

тируется не ранее второй половины VIII века. Изучение погребальных предметов (дольменов), обнаруженных в тофете, свидетельствуют о том, что религиозная жизнь Карфагена подвергалась радикальным переменам. По общему мнению, самой важной реформой стало возведение богини Танит в ранг «покровительницы Карфагена», которое произошло после революции, приведшей к власти аристократию. И наконец, в ходе недавних раскопок в Пирги были обнаружены надписи, посвященные богине Астарте этрусским царем тефария Велиунасом, которые позволили нам понять практически неразрешимые проблемы пуническо-этрусских отношений, а также установить дату подписания первого договора между Римом и Карфагеном.

Эти новые данные заставили нас пересмотреть свои взгляды на старые проблемы. Гсел и Бел ох, в начале XX века, не могли прийти к общему мнению о том, какой была монархия Карфагена. Восторжествовала точка зрения француза, обладавшего большими познаниями в этом вопросе, но его ученики и издатели работ не захотели принять во внимание сделанные им упущения. Ниже мы рассмотрим причины, по которым теория Белоха нуждается в пересмотре.

Несмотря на большой прогресс, пуническая история по-прежнему остается малоизученной. Некоторые читатели, несомненно, будут удивлены, а может, и обрадованы, узнав, что автор несколько раз приходил к иному мнению, нежели то, которого он придерживался в прошлом. Остается на-

деяться, что либо он, либо его последователи смогут в будущем пересмотреть ряд пунктов в этой временной картине. Мы сумеем воссоздать прошлое только с помощью диалектического подхода; очень редко ученому удастся решить проблему путем обнаружения абсолютной истины, а если это ему и удастся, то лишь для очень короткого периода времени и с ограниченными последствиями. Поэтому необходимо прибегнуть к историческому синтезу (иначе история рискует превратиться в занятие для одних посвященных), но читатель должен понимать, что такой синтез имеет чисто гипотетический и временный характер.

Глава 1

Карфаген до магонидов

Тир и Таршиш: открытие Запада

Карфаген был финикийской колонией, основанной неподалеку от современного города Тунис, в том месте, где африканское побережье поворачивает на юг, а Средиземное море разделяется на два больших бассейна. Финикийцы представляли собой небольшой азиатский народ, живший в той части сирийского побережья, которое сейчас называется Ливаном. Они говорили на языке, похожем на иврит, и принадлежали к той же семитской семье. В отличие от своих арабских кузенов, которые поселились на североафриканском побережье 18 столетий спустя и подарили ему свою культуру и язык, финикийцы пришли в Африку вовсе не по суше. Они двигались не на конях или верблюдах, подчиняя по пути своей власти местное население, а приплывали небольшими группами на кораблях и хотели не воевать, а торговать.

Дату и обстоятельства этого события древние люди отметили в хорошо известных нам текстах, которые относительно точны, но в чьей достоверности современные ученые начали сомневаться. Но перед тем, как исследовать эту проблему,

необходимо установить ее исторический фон. Следует кратко рассказать о плаваниях и торговле финикийцев в Средиземном море.

Самую важную и достоверную информацию об этом дает нам Библия в пророчествах Иезекииля, который рассказывает, что финикийцы торговали с таинственной страной под названием Таршиш:

«О Тир, ты сказал, что я прекрасна. Твои границы – в середине моря...

И моряки Таршиша поют о тебе на рынках твоих: среди морей ты изобильна и знаменита.

Твои корабли бороздят великие воды...

Твой рынок зовется Таршишем из-за изобилия разных богатств: серебром, железом, оловом и свинцом торгуют на твоих ярмарках».

(Иезекииль, XXVII: 3–4, 25–26, 12)

Именно торговле с Таршишем и обязан Карфаген своим возникновением и процветанием. Слово «Таршиш» несколько раз встречается в Ветхом Завете и вызывает много споров, поскольку меняет свое значение в зависимости от контекста или описываемого периода. Иногда – это название страны, иногда – разновидность товара (как современный кашемир). Определить его первоначальное значение невозможно. Обсуждение этого вопроса уведет нас далеко от Тира и его торговли, однако интересно отметить, что в Ветхом Завете словом «Таршиш» называют особый вид корабля и

особый вид груза, который был нужен для дальних плаваний и которого старались взять на борт как можно больше. Это «корабли Таршиша» ходили в Офир, в Красное море, чтобы привезти домой золото, слоновую кость и драгоценные камни, которые Хирам, царь Тира, поддерживавший связи с Соломоном, покупал вместе с медью, добытой в Эйлате. Эта торговля обогащала обоих царей. Но Таршиш – это также и название Тарсуса в Киликии. И наконец, так называли далекую, плохо известную страну, расположенную в Средиземноморье, в тех местах, где садится солнце, – землю, где человек может сказочно разбогатеть. Это земля изобилия, Эльдорадо. Чтобы понять, откуда взялось столько значений этого слова, надо вспомнить, что в описываемые нами времена моряки и купцы, уходившие в море, чтобы разбогатеть, возвращались домой лишь спустя несколько лет, а часто – вообще не возвращались. И что важнее всего, они держали сведения о пути своего следования и товарах, которые везли, в строжайшем секрете, желая сохранить свою монополию. Отсюда все эти домыслы и легенды, которыми окутаны рассказы об их путешествиях. Тем не менее список товаров, которые они привозили из Таршиша, о чем поведал нам Иезекииль, – олово, железо и свинец – помогает установить место, где располагался этот самый Таршиш. Это была богатая полезными ископаемыми область в западной части Средиземноморья, иначе говоря, юг Иберийского полуострова. Литературные источники стали называть его целью финикийских

плаваний уже с конца XII века до и. э., а источником сказочных богатств Тира – с конца второго и начала первого тысячелетия до н. э.

В этот период благоприятные обстоятельства позволили финикийцам стать поставщиками самых разных товаров для Ближнего Востока. Минойская и микенская талассократии рухнули; Египет был ослаблен войной с ужасными «морскими народами» и не мог уже удерживать под своей властью своих азиатских подданных; Митаннская и Хеттская империи, служившие противовесом Египетскому государству, тоже пришли в упадок и рухнули, породив множество мелких, независимых и неустойчивых царств.

Одним из них было Тирское царство. Благодаря своим предприимчивым и способным правителям – из которых самым выдающимся был Хирам – Тир сумел избежать опустошительных и бесполезных войн с соседями и обратил ситуацию себе на пользу, снабжая промышленность Востока необходимым сырьем и продавая предметы роскоши своим соседям, завоевателям и будущим господам Ближнего Востока, ассирийцам.

Самым популярным материалом в ту пору была бронза; ее использовали не только в армии, но и на флоте и в сельском хозяйстве. Шалманезер III приказал обить бронзой ворота своего дворца в Балавате. Медь привозили с Кипра и Эдома, расположенных неподалеку; олово было гораздо более редким металлом, и, вне всякого сомнения, именно в поисках

олова финикийцы и отправились на запад. Они воспользовались тем, что Средиземное море, после ухода микенцев, стало доступным для всех.

Многие греческие и римские тексты рассказывают нам о том, как финикийцы занялись изучением западных земель. Они сообщают нам гораздо подробнее, чем Иезекииль, о разных этапах их путешествий.

Первой на пути моряков, шедших с востока, лежала Сицилия. Согласно Фукидиду, финикийцы заселили ее полуострова и соседние острова еще до прихода туда греков. Иными словами, это случилось до начала VIII века до н. э. Можно догадаться, что финикийцы использовали порты Сицилии как базы для своих экспедиций в Западное Средиземноморье. Диодор Сицилийский, цитируя Тимея, греческого историка IV века до н. э., утверждает, что они ходили в Ливию, Сардинию и к Иберийскому полуострову. Они плыли на запад южным путем, обходя Италию и Лионский залив по вполне очевидным причинам. На море им пришлось бы выдерживать ужасные штормы, бушующие в заливе, а на суше – столкнуться с еще относительно дикими народами, которые сами стремились использовать свои природные богатства и были очень воинственными¹.

С другой стороны, африканское побережье было практи-

¹ Весной 1965 года у французского побережья в Лангедоке был обнаружен затонувший корабль. Он вез груз металлических предметов, принадлежавших к хальнетадской культуре (первая половина I века до н. э.), что доказывает существование морской торговли, организованной автохтонными народами.

чески не заселено, покрыто лесами и изобиловало дичью. Люди, которых встречали там финикийцы, находились на крайне примитивной стадии развития – большинство из них жило еще в каменном веке, – и их можно было без труда подчинить. На побережье было много пляжей и природных бухт, которые располагались близко друг от друга – финикийцы могли переходить из одной в другую за один день пути. В среднем расстояние между заливами составляло от 20 до 30 миль.

Согласно Страбону, который цитирует Посидония, тирийцы добрались до Геркулесовых столпов (Гибралтарского пролива) вскоре после Троянской войны, ближе к концу XIII века до н. э., всего лишь через несколько десятилетий после основания Тира. По-видимому, они даже выходили в Атлантический океан и, чтобы защитить подходы к проливу, основали Ликсус и Гадир, или Гадес (по-финикийски «крепость») на побережье Атлантического океана.

Первой гаванью стал Ликсус, который был хорошо защищен от северных ветров и океанских волн. Сюда финикийцы пришли, преодолев Гибралтар. Современный город Лараш, воздвигнутый на старой границе Испании с Марокко, стоит неподалеку от места древней крепости. Ликсус был построен в устье реки. Он раскинулся на холмах, которые отделяла от внутренних районов река Лукос, огибавшая эти холмы по глубокой долине. Поэтому город был не только защищен от нападения с суши, но и стоял в устье Лукоса, кото-

рый представлял собой единственную дорогу в глубь страны. Эта часть Марокко покрыта густыми лесами и в те далекие времена давала множество рабов, слонов и золота. Считалось, что святилище бога Мелгарта, возглавлявшего Тирийский пантеон и ставшего главным богом Ликсуса, было построено там раньше, чем в Гадесе, – около 1100 года до н. э.

Гадес (современный Кадис) расположен севернее и совсем не похож на Ликсус. Место, где он был построен, очень напоминало Тир. Это был длинный остров, который, по словам Страбона, тянулся параллельно побережью и отделялся от материка проливом «шириной около одного стадия». Он выходил на величественные дороги, где сейчас проводят свои маневры военные корабли Испанского флота. К югу от острова, который в наши дни называется островом Льва, располагалось святилище Мелгарта, патрона этого города. Оно стояло на острове Св. Петра, который откололся от главного острова, но во времена финикийцев составлял с ним одно целое.

Кадис возник в устье реки Баэтис – теперь эта река называется Гвадалквивиром. Почвы в ее долине исключительно плодородны. С северо-запада ее окаймляют горы, богатые медью, свинцом и серебром. Андалузская равнина была тем самым местом, где моряки из Средиземноморья встречались с моряками Атлантики. И хотя великая мегалитическая культура, которая процветала на всем океаническом побережье Европы, к 1000 году до н. э. пришла в упадок, контак-

ты между народами, которые когда-то принадлежали к этой культуре, не прекратились. Жители Андалузии получали из Португалии и Галисии олово и экспортировали его на Восток. Равнина Баэтиса была местом, где возникло процветающее государство, жизнь в котором была легка, а металл необыкновенно дешев. Диодор пишет, что финикийцы сказочно обогатились, покупая у иберийцев серебро по дешевке, поскольку они не имели никакого понятия о его стоимости. Если верить легендам, то Тартессианское царство, как его называли, было, вероятно, известно на Востоке с микенских времен. Гесиод рассказывает нам о царях, которые выходили из вод океана, – Хрисаоре и его наследнике ГерIONE, который сражался с Гераклом. Гаргарис, изобретатель сельского хозяйства, принадлежал к другой расе.

Страбон, современник Августов, утверждал, что хроники тартессиан появились 6 тысяч лет назад. Нет сомнений, что тартессиане создали свое собственное письмо в глубокой древности. Тартесс уже давно отождествляли с библейским Таршишем, но сейчас филологи отказываются от этой идеи. Как уже было сказано, это еврейское название применялось ко многим землям, но Иезекииль отождествляет его с долиной Баэтиса.

Прибыль, которую финикийцы получали в ходе своих торговых экспедиций, была огромной и покрывала все расходы. Плавание в землю Офира, на побережье Красного моря, продолжалось три года. Вполне вероятно, что, поскольку

корабли могли бороздить моря только в летнее время, а закупка металлов занимала много времени, на плавание из Тира в Гадес и обратно уходило по меньшей мере четыре года.

Веллей Патеркул считает, что Гадес основали Гераклиды, возвращаясь с Троянской войны, то есть в конце XII века до н. э. Такой же точки зрения придерживался и Страбон, который утверждал, что те же самые моряки, несколько лет спустя, основали и Утику, то есть примерно в 1100 году до н. э. Более поздний компилятор подтверждает это, и оба автора сходятся во мнении, что основателями обоих городов были жители Тира. Таким образом, согласно литературной традиции, Утика является древнейшей финикийской колонией в Африке, но позже мы убедимся, что в наши дни это утверждение оспаривается учеными. Плиний Старший приводит точную дату основания города – сооружение храма Аполлона в Утике, которое произошло за 1178 лет до 1101 года до н. э. («Естественная история», книга XVII, 216). Однако если мы признаем, что финикийцы плавали в Испанию уже в конце второго тысячелетия до н. э., то надо согласиться и с тем, что в Тунисе к тому времени уже существовал по крайней мере один финикийский порт. Место расположения Утики похоже на Ликсус – город был построен в устье реки Баградас, или Меджерда, при впадении в нее реки Черчера, на холме, который окружает излучина этого сухого русла. В наши дни речные отложения, принесенные Меджердой, заполнили залив и бухту Утики, и место древнего города находится

теперь в 6 милях от моря. Это была прекрасная плодородная долина; река даже в сезон дождей ее не заливала, и вся она была покрыта тучными пастбищами. Долина Меджерды сейчас является житницей Туниса².

В IX веке до н. э., как гласит легенда, наследники Хирама продолжили его дело. Иосиф рассказывает нам об основании Итобаалом города Ауза в Ливии. Страбон утверждает, что до эпохи Гомера финикийцы владели лучшей частью Иберии. Поэтому считалось, что Тирийские колонии, основанные, кроме Гадеса, на берегах Альборанского моря, восточнее Гибралтара, появились в IX веке. К ним относятся Абдера, Малага (сохранившая свое имя до наших дней) и Секси.

Эта традиция существовала во все времена. С тех пор как евреи лишились Эзионгебера, финикийцы не могли больше плавать в Красном море.

Восточная торговля финикийцев прекратилась после наступления ассирийцев, после того, как Ашурнасирпал захватил Каркемиш и «вымыл свое оружие в великом море земли Амурру». Тирийцы могли поддерживать свое процветание одним лишь расширением торговли на запад. И если ко-

² Иосиф Флавий упоминает (*Contra Apionem* I, 119) об экспедиции, которую Хирам Тирский организовал против Утики. Флавий узнал об этом от Менандера Эфесского, который, вероятно, вычитал об этой экспедиции в царских хрониках Тира. Вполне возможно, что, превратившись в богатый город, Утика отказалась платить дань. Однако Иосиф Флавий не говорит нам, что это была африканская Утика, и многие в наши дни полагают, что он имел в виду другую Утику, хотя остается только гадать, где она находилась.

рабельные шпангоуты, как утверждает Дж. Г. Феврия, были изобретены именно в это время, то более крепкие суда, которые стали строить финикийцы, позволили им совершать дальние плавания.

В ходе археологических раскопок конца XIX и начала XX века не было обнаружено никаких следов финикийских поселений, возникших ранее IX века до н. э. ни на Сицилии, ни в Испании, ни в Африке. Никто не нашел следов города Ауза. Именно тогда Белох и заявил, что литературным источникам доверять нельзя. До недавнего времени теория Белоха подтверждалась археологическими исследованиями, результаты которых были крайне неутешительными, а большая часть раскопок не приносила ничего нового. Тирийцы использовали Сицилию в качестве базы для своего продвижения на запад, и финикийцы, согласно Фукидиду, отступили сюда после прихода греков. Однако ни на западном, ни на восточном побережье этого острова не было найдено никаких следов их поселений, которые находились бы ниже слов греческих колоний. Слова греческого историка подтверждались лишь семитскими названиями вроде Фапус, но этот аргумент считался очень слабым, и теория колонизации Сицилии финикийцами была признана несостоятельной.

В начале XX века Тарамелли обнаружил бронзовый подсвечник кипрского происхождения в Сардинском храме Св. Виттории де Серри. Он датировал его концом IX века до н. э., но, по-видимому, этот подсвечник мог принадлежать

и к следующему веку. Вполне возможно, что его привезли на Сардинию финикийские купцы. Позже была обнаружена стела в Норе. На ней имелась финикийская надпись, тоже датированная IX веком до н. э. И хотя утверждение Олбрайта о том, что он нашел в этой надписи слово «Таршиш», не было принято в ученом мире, эта стела тем не менее неопровержимо доказывает, что во время создания надписи финикийцы находились на этом острове. Тем не менее Рис Карпентер не согласен с исследователями этой эпитафии, которые утверждают, что она была сделана в IX веке до н. э., и полагает, что она могла появиться не ранее последней четверти VIII века до н. э. На Сардинии не найдено ни одного финикийского предмета, который был бы древнее VII века до н. э.

Тщательные методические исследования Тараделла и Понсиха в Ликсусе не выявили ни одного предмета старше VI века до н. э., которые могли бы принадлежать жителям Тира.

В Испании Бонсор раскопал гробницы Кармоны, но, хотя ему и удалось найти изделия из слоновой кости, ряд которых принадлежит к восточному типу и относится к IX веку до н. э., основная часть убранства гробниц датируется VII веком до н. э. Более древние финикийские предметы не обнаружены нигде. В Кадисе, на том месте, где стоял когда-то древний Гадир, все найденные вещи относятся к VI веку до н. э., а в Малаге – к V веку до н. э. И наконец, в древнем некрополе Утики, который раскопал Кинтас, не было найде-

но ни одного предмета, о котором можно было бы с уверенностью сказать, что он появился раньше чем в последние годы VIII века до н. э.

До того как была получена вся эта масса доказательств, Рис Карпентер предлагал считать началом финикийских плаваний в Западном Средиземноморье конец VIII века до н. э. Однако за последние несколько лет были сделаны несколько открытий, которые позволили изменить наш взгляд на эту проблему. Неподалеку от Сциаки, небольшого порта вблизи Агригентума, в сеть одному сицилийскому рыбаку попала бронзовая статуэтка высотой всего 38 см. Это – фигурка бога, относящаяся к тому типу, который был распространен на территории всей Финикии (например, в Библосе и Угарите) между XV и XI веками до н. э. Киапписси, опубликовавший фотографию этой находки, датирует ее XI веком до н. э.

Работа Бернабо Бреа, основанная на сицилийском материале, относящемся к началу первого тысячелетия до н. э., появилась в двух публикациях. В ней автор указывает, что керамика, найденная в восточной части острова (то есть там, где, согласно Фукидиду, финикийцы поселились еще до прихода греков), очень похожа на современные палестинские изделия, а фибулы (застежки) с островов Липари мало отличаются от своих прототипов из Мегиддо. И наконец, в месте, называемом Лаурита, в Серро-де-Сан-Кристоваль в провинции Гренада, были случайно обнаружены двадцать гробниц.

Среди найденных там предметов были: алебастровые кувшины с клеймом фараонов Осоркона II (870–847 до н. э.), Шешонга II (847 до н. э.) и Такелота II (847–823 г.), керамика финикийского типа, датируемая в Палестине XI–IX, а на Кипре – VIII веком до н. э. Около 700 года до н. э. она появилась в Утике и Карфагене. И наконец, там же были обнаружены греческие протокоринфские чаши, изготовленные в конце VII века до н. э. Эти замечательные находки помогли Пеллисеру Каталану установить место города Секси. Он датировал этот некрополь началом VII века до н. э., поскольку в нем были найдены греческие вазы. Тем не менее некоторые гробницы могут быть более древними и относиться к VIII веку до н. э., но не древнее IX века до н. э., поскольку именно в этом веке и появились алебастровые кувшины. Проблема заключается в том, что мы не знаем – были ли эти кувшины привезены в Испанию в IX веке до н. э., когда они были изготовлены, или в VIII, когда их положили в гробницы.

Однако если ученые не обнаружили никаких следов постоянных тирийских поселений, созданных около 1000 года до н. э., то даже от более поздних эпох почти ничего не сохранилось. Самое важное, что остались следы пребывания левантских моряков в Западном Средиземноморье IX и VIII веков до н. э. И хотя этих следов явно недостаточно, чтобы с абсолютной уверенностью подтвердить даты, зафиксированные литературными источниками, они тем не менее позволяют пересмотреть даты, предложенные Рисом Карпенте-

ром. Таким образом, этот вопрос еще далек от окончательного решения.

Все это можно объяснить условиями морской торговли, которые существовали в древности. Моряки не были завоевателями; они не собирались захватывать земли или создавать постоянные поселения. Им нужно было только одно – песчаный берег в дружественной стране, на который можно было бы вытащить свои корабли, и место, где можно было бы построить несколько хижин, чтобы переждать зиму. Найти следы таких временных жилищ практически невозможно. Города основывались, валы сооружались и гавани строились гораздо позже, чтобы оказывать сопротивление врагу или помогать расселиться своим согражданам, которые приехали сюда, как мы еще увидим, без намерения вернуться. Переход от одной фазы к другой в разных местах происходил в разное время. В Гиппоне (современная Аннаба в Алжире) постоянное поселение появилось лишь после 200 года до н. э., а создание порта датируется I веком до н. э.

Можно привести несколько примеров. В случае с кипрским городом Китион, который тирийцы одно время называли Карт-Хадашт, как и свой африканский город, и который был их главным поселением на острове, шведские археологи подтвердили, что с XI века до 850 года до н. э. тирийцы жили здесь отдельно от местного населения. Они перевезли сюда свои семьи и построили город лишь во второй половине IX века до н. э.

В Сабрате, колонии, расположенной на окраине Большого Сирта, неподалеку от Большого Лепсиса, раскопки, проводимые Хейнесом, выявили ниже уровня пола в домах IX века до н. э. остатки хижин VIII века до н. э., построенных на песке, а также кусочки керамических изделий того же века. Хорошо видно, что это место заселялось с перерывами, и лишь в V веке до н. э. тирийцы построили постоянные дома. В Истрии, на Черном море, аналогичным образом поступали греки.

На берегу, неподалеку от местного города, Кондурачи обнаружил остатки хижин, в которых обитали греческие купцы, приезжавшие сюда торговать еще до основания колонии. Когда источники сообщают нам об «основании колонии», они, несомненно, имеют в виду поселения подобного типа. Тарадел предлагает изменить дату создания знаменитых храмов (в особенности храма Мелгарта в Ликсусе), заявляя, что точкой отсчета надо считать не закладку его фундамента, а освящение огороженного пространства, или *магома*, где под открытым небом приносились жертвы богам³.

Прекрасно описывал жизнь моряков и купцов, отправившихся в далекое плавание на поиски богатств, Гомер. Когда плавание было подготовлено, отобрали 52 молодых гребцов: «Дойдя до корабля и спустившись на берег, они стащили черное судно в море, установили на нем мачту и парус

³ «Храмовые анналы» начинают свое повествование с «первого года» – даты основания храма.

са, закрепили весла в кожаных петлях, все, как следует, и подняли белый парус. Затем они поставили его на мертвый якорь...»

А тем временем женщины занялись погрузкой на корабль всего необходимого. Телемах говорит: «Послушай, няня, не подаришь ли ты мне несколько кувшинов с вином? И пусть оно будет самым лучшим из того, что у тебя есть... Налей мне двенадцать кувшинов и заткни их пробками. И насыпь мне в прочные кожаные мешки ячменной муки – двадцать мер, пожалуйста, молотого зерна...»

Когда он поднялся на корабль: «Причальные канаты были отвязаны, и Телемах велел морякам взяться за снасти. Они охотно подчинились, подняли еловую мачту, установили ее на место, укрепили ее подпорками и с помощью плетеных кожаных канатов подняли белый парус».

Точно таким же образом образом: «[Менелай] плавал в тех дальних краях (Египетского побережья), где люди говорят на чужом языке, накапливая богатства в товарах и золоте...»

При хорошей погоде, в водах дружественных стран, они плыли днем и ночью. В противном случае на закате подходили к берегу, как сделал Одиссей: «Мы спустили парус лишь после того, как пристали к берегу. Спрыгнув на песок, мы повалились спать».

Но вот Одиссей и его товарищи добрались до места, где можно было запастись пресной водой: «Мы сошли на берег,

чтобы набрать воды, и мои моряки тут же уселись у своих кораблей, чтобы пообедать».

С целью пополнить запасы продовольствия они охотились, как только появлялась такая возможность: «Мы взяли с кораблей свои изогнутые луки и длинные копья, разделились на три группы и отправились на охоту; вскорости провидение послало нам богатую добычу... В моей группе было двенадцать судов: каждому досталось по девять козлов... И весь день, пока не село солнце, мы наслаждались обильной мясной едой, которую запивали выдержанным вином, ибо красное вино на наших судах еще не перевелось... Солнце село, наступила ночь, и мы уснули на морском берегу...»

В плохую погоду они ночевали на кораблях – гребцы укладывались под лавками, а капитан – на кровать, которая стояла у мачты, над люком, где хранились «сокровища» экспедиции.

И наконец, Гомер описывает прибытие финикийцев, вложив в уста Эвмея такие слова: «Однажды на остров явились эти негодные финикийцы, жадные разбойники, на черном корабле, который был нагружен всякой ерундой. В доме моего отца оказалась женщина их расы, красивое и здоровое создание с очень умелыми руками. И этим подлым финикийцам удалось вскружить ей голову. Один из них обольстил ее, когда она стирала белье, и овладел ею у борта нашего судна...»

Она тут же решила вернуться в родные края, но хотела

бежать так, чтобы никто об этом не узнал: «Скорее закупи все, что тебе нужно. Когда судно будет нагружено, тайно пошли дать мне знать об этом. Ибо я хочу прихватить с собой кое-какое золотишко – все, что мне удастся найти. И есть еще кое-что, что я с радостью отдам тебе в уплату за то, что ты увезешь меня. Я здесь нянчу ребенка моего благородного господина... Ты получишь за него целое состояние в любом иностранном порту, где захочешь его продать». Купцы прожили у нас целый год, во время которого закупили и погрузили на борт множество самого разного товара. Когда их трюм был заполнен до отказа, а судно готово было выйти в море, они послали гонца предупредить эту женщину».

И она убежала с финикийскими моряками, прихватив с собой Эвмея.

Во всех этих событиях, записанных прямо из жизни, «черный корабль» был для моряков одновременно гостиницей, магазином и складом, а финикийцы, укравшие Эвмея, жили на этом берегу целый год. Их поселение, которое вмещало не менее 500 человек, вероятно, было очень похоже на поселение буров или мормонов, только роль фургонов здесь играли корабли. Вытащенные на берег, они образовывали вал, который защищал моряков, спавших под открытым небом или в хижинах, не только от диких животных, но и от местных жителей, которые не всегда были настроены к пришельцам дружелюбно. Знаменитые верфи Сент-Мало появились лишь три с половиной столетия назад, но стоит только уви-

деть ряды гниющих там столбов, как сразу станет понятно, что отыскать следы временных поселений тирийских первопроходцев, построенных три тысячи лет назад, практически невозможно.

Когда временные пристанища превратились в постоянные порты, «черные корабли» по-прежнему использовались как жилища и склады, но теперь они стояли на якоре в море, в безопасных местах. Даже в августовские времена, когда их описывал Страбон, жители Гадеса все еще жили на кораблях. Если бы они поселились на суше, Гадес, как и Рим, превратился бы в самый густонаселенный город Римской империи. Благодаря этому корпуса кораблей не рассыхались, что неизбежно бы произошло, если бы они простояли на суше всю зиму. К тому же решалась проблема жилья, которая в таких местах, как остров Св. Петра, где находился Гадес, была очень острой. Финикийские корабли, стоявшие на якорях, были, вероятно, очень похожи на китайские сампаны, которые используются под жилье. Со старых грузовых кораблей, вероятно, снимали мачты и весла, а корпуса использовали под доки и склады, но можно ли надеяться обнаружить их следы в наши дни? Единственным сооружением на суше был деревянный палисад со рвом и столбами, вроде того, который служил внешним укреплением Карфагена в дни Пунической войны. Святилище состояло из алтарей и рак, построенных из необожженного кирпича и похожих на маленькие домишки, которые стояли на девственной земле и были об-

наружены Кинтасом в Саламбо. Там же, вероятно, располагались и хижины, плетеные стены которых были обмазаны глиной.

Все это лишь предположения, но они помогают объяснить расположение некоторых финикийских торговых пунктов, которое в противном случае показалось бы совершенно непонятным. Вильмот провел систематическое обследование таких пунктов на побережье вокруг Орана и обнаружил, что при выборе места для поселения соображения безопасности и необходимости плавания при дневном свете не являлись первостепенными. По традиции бухты, где моряки запасались водой, отстояли друг от друга на расстояние 20 миль (что равно однодневному переходу по морю). Они были защищены от ветров с моря и располагались либо на острове у самого побережья, либо у основания полуострова, который служил наблюдательным пунктом. Финикийцы, однако, часто выбирали совсем другие места. Ликсус стоял в устье реки; Утика – на берегу протоки, хотя условия здесь были не очень благоприятны для здоровья; часто выбирались лагуны; а иногда торговые пункты ставились в таких местах, как Лес-Андалусес и Мерса-Мадах, к западу от Орана, в которые во время шторма было очень сложно войти. Последние два места располагались недалеко друг от друга; иные разделяли несколько дней плавания, и, наконец, ряд пунктов был открыт западным или, наоборот, восточным ветрам. Единственное, что было у них общего, так это размер гаваней.

ни, и это, как мы еще убедимся, стало главным условием при выборе места для Карфагена.

Основание Карфагена

Ликсус, Гадир и Утика были уже созданы; настало время и Карфагена. Примерно в шести милях южнее Утики находился холмистый полуостров, сложенный из песчаника. Он когда-то отделял бухту, в которую и сейчас впадает река Меджерда, от залива, называемого в наши дни Тунисским. Песчаные наносы еще не засыпали устье этой реки, и в открытое море вдавался полуостров. Он соединялся с материком двумя песчаными насыпями, которые сейчас окружают Тунисское озеро, изобилующее рыбой. Южный берег этого полуострова тянулся с северо-востока на юго-запад, предоставляя прекрасную возможность превращения его в якорные стоянки и гавани. Берег был защищен от свирепых северных и западных ветров, и большие суда, проходившие в залив, можно было вытаскивать на сушу, как и малые каботажные суденышки, а также посыльные суда, перевозившие в город людей и товары и доставлявшие сюда рыбу.

В небольшом устье, в которое впадала река, стекавшая с холмов Малги, находилась очень удобная стоянка для судов; она тогда еще не была засыпана песком и имела вполне приличную глубину. И наконец, канал, шедший из залива Ле-Крам, который был защищен ото всех ветров с моря, вел в две лагуны Дуар-Шотта, которые образовывали великолепную природную гавань. Проход в эти внутренние гавани и

к будущему городу с севера был защищен высокими, крутыми утесами современного мыса Сиди-Боу-Саид, а с юга – перешейком шириной семь с половиной миль. Это открытое пространство можно было легко защитить.

Полуостров изобилдовал свежей пресной водой; уровень ее был высок, а подход – не труден. Зимой и летом у подножия северного утеса бил родник. Воздух здесь здоровый, и на холмах даже бодрящий. Горячий юго-западный ветер, который в этих краях называют сирокко, прежде чем достичь Карфагена, проходил над водами пролива и охлаждался. И наконец, вокруг города было достаточно земли, чтобы прокормить его растущее население. На плато росли пшеница и ячмень, а на солнечных, защищенных от ветра склонах – виноград. Словом, здесь было все необходимое, чтобы превратить Карфаген в идеальный порт, который Гомер описал такими словами: «Роскошный остров покрыт лесами, где обитает много коз... ни в коем случае не бедная страна, но способная, в свой сезон, давать урожай любой культуры. Вдоль берега серого моря тянутся мягкие орошаемые долины, где никогда не переводится виноград; хватает и ровной земли для плуга, где они могут надеяться собрать в надлежащее время богатый урожай, ибо почва здесь необыкновенно плодородна. Имеется и безопасная гавань, в которой не надо закреплять корабли. Нет нужды бросать якорь или привязываться канатами: команда должна лишь вытащить судно на берег и ждать, когда подуют попутные ветра и можно бу-

дет плыть дальше. И наконец, в основании гавани есть ручей с пресной водой, вытекающей из пещеры в тополиной роще... [он] может служить [гаванью для кораблей], заходящих в иностранные порты во время своих путешествий, которые корабли совершают между разными странами».

Первые группы поселенцев, без сомнения, поселились на пляже, у лагуны Дуар-Шотт, и на холмах Бирсы – будущем акрополе, – которые высятся над гаванью, словно маяки. Такое место конечно же было гораздо лучше того, на котором стоял город Утика, и Карфаген быстро его перерос и превратился в финикийскую метрополию на западе. Он был так богат, что о нем пошли легенды, касающиеся в особенности обстоятельств его зарождения. Здесь переплелись между собой мифы и факты, поэтому вопрос об основании Карфагена является одним из самых сложных в истории.

Это объясняется двумя причинами. Во-первых, от Карфагена не осталось хроник, в которых была бы указана точная дата его возникновения. В литературе об этом ничего не говорится; на пунических монетах не чеканили дат; а метод датировки по именам магистратов, занимавших эту должность в тот или иной год, к Карфагену неприменим. «Городские хронологии» были изобретены греками, их переняли сначала римляне, а потом – и весь цивилизованный мир. В ту пору же, когда был основан Карфаген, его писцы следовали восточной традиции, используемой в метрополии, и заносили в городские анналы лишь имена царей, указывая, сколько лет

они правила, и называя главные события их царствования. Именно так составлялись исторические книги Библии. Позже, в последние века существования города, карфагенские писцы, следуя греческой традиции, составляли списки людей, занимавших должность магистратов, которых называли суффетами. Суффетов избирали на один год, и их имена помогают ученым датировать события. Но в 146 году до н. э. Сципион приказал сжечь Карфаген, и все городские архивы, анналы и списки суффетов, составленные писцами, погибли в огне, а с ними и все другие документы, которые могли бы подсказать нам, сколько веков на самом деле просуществовал Карфаген. Не имея в своем распоряжении пунических текстов, современные историки вынуждены полагаться на греческие и римские версии основания Карфагена.

Однако эти версии не согласуются не только между собой, но и с данными археологии.

Три группы текстов дают нам три разные даты. Первую группу составил греческий историк Филлист Сиракузский, живший в IV веке до н. э. Он приписывает основание города Шору и Кархедону. Аппиан и позже Евдоксий Кузикус следуют его примеру; последний датирует возникновение Карфагена 803 годом «эры Авраама», то есть 1213 годом до н. э. Однако такого быть не могло, а имена двух героев являются, несомненно, транскрипцией названий Тир (Шур по-финикийски) и Карт-Хадашт или Карфаген (Кархедон по-гречески). Что касается так называемой «эры Авраама», то это

было более позднее изобретение и не имеет под собой никакой документальной основы.

Другая группа текстов датирует основание Карфагена 814 или 813 годами до н. э. Тимей, греческий ученый, живший в IV веке до н. э., пишет, что Карфаген был основан Элиссой, сестрой царя Пигмалиона, после того как ее муж был убит по приказу царя. Принцесса бежала из родного города, а с ней и несколько тирийцев; после многих тягот и приключений они добрались до Ливии и основали город. Когда Элисса стала царицей, местные жители называли ее «Дейдо». Говорят, что эти события произошли за 38 лет до первой Олимпиады, то есть в 814 или 813 годах до н. э. (Тимей).

Позже Юстин, обработавший труд римского историка Помпея Трога (жившего в I веке до н. э.), записал аналогичную историю, навеянную ему тем же источником, что и Тимею. Эта история содержит больше подробностей, но в ней переплелись быль и легенда. События тоже происходят во время правления в Тире Пигмалиона, и главной героиней является Элисса. Ее муж: Ацербас был верховным жрецом бога Мелграта, но по приказу царя его убили. Принцесса бежала из Тира и сначала прибыла на Кипр, где к ней присоединилась группа тирийских сенаторов. Они увезли с собой женщин, чтобы обеспечить продолжение рода; к ним присоединился и верховный жрец Юноны, который прихватил с собой статую этой богини. Все они отправились в Африку и в конце концов сошли на берег в том месте, где позже воз-

ник Карфаген. Им разрешили поселиться на клочке земли, размер которого не должен был превышать площадь участка, покрытого бычьей шкурой. Царица разрешила шкуру на узкие полоски и получила во владение холм, на котором потом расположился акрополь. Его называли Бирса (бирса по-гречески «шкура быка»). После этого оракул сообщил им, где надо построить город.

От одного места пришлось отказаться, поскольку там был найден череп быка, предвещавший тяжелые времена и непосильную работу. Выбрали другое место, где был найден череп коня – символ власти. После этого идет рассказ о жертве царицы. Иарбас, местный вождь и царь гетулийцев, стал требовать, чтобы Элисса вышла за него замуж, угрожая, в случае неповиновения, уничтожить город. Царица велела соорудить под окнами ее дворца, стоявшего неподалеку от городских ворот, погребальный костер, сославшись на то, что ей надо принести жертву манам ее мужа. Заверив Иарбаса, что станет его женой, Элисса, стремясь спасти город от уничтожения, бросилась в костер, не желая изменять своему мужу Ацербасу. Юстин связывает эти события с основанием Рима, которое произошло 72 годами позже. У Варрона эти 72 года превращаются в 62, и мы получаем дату 814 год до н. э., которая совпадает с датами других источников. Сервий приводит цифру 70 лет, а Веллей Патеркул – 65; если же принять римскую эру Полибия, то снова, в качестве года основания Карфагена, мы получим 814 год до н. э.

Но, к сожалению, история Юстина не выдерживает никакой критики. Наиболее правдоподобная ее часть практически совпадает с версией Тимея и, несомненно, была взята из его труда, поскольку Помпей Трог хорошо знал работу этого греческого историка и часто ее цитировал. Все новые факты, приводимые Юстином, несомненная выдумка, ибо они совершенно неправдоподобны и относятся к разряду легенд, которые использовались для придания законности факту основания города и власти нового царя. Насильственный увоз киприотских женщин очень напоминает историю о похищении сабинянок товарищами Ромула; упоминание об оракуле, намерение Иарбаса жениться – всему этому можно легко найти исторические параллели. Рассказ о жертве имеет все характеристики этиологического мифа, созданного для оправдания древнего ритуала, значение и смысл которого были забыты. Тот факт, что датировка Тимея, привязанная к первой Олимпиаде, а Юстина – к римской эре, согласуются между собой, мог быть весьма примечательным, если бы составлял главную часть этой истории, а не был бы присоединен к ней в самом конце. Юстин, таким образом, не приводит никаких доказательств, которые подтверждали бы историю Тимея.

Третий текст, по-видимому, был взят не из Тимея, а из другого источника. Используя хронологическую систему, отличную от греческой, его автор называет другую дату основания Карфагена – не 814 год до н. э., а 826-й. Как мы уже

говорили, финикийские города имели свои хроники. Карфагенские анналы погибли, но тирские дошли до нас в трудах Иосифа Флавия, еврейского историка I века н. э., который создавал свои произведения в надежде защитить Библию от антисемитских атак греков. Иосиф цитирует эллинского автора, Менандера Эфесского, который опирался на хроники царей Тира. Он пишет, что на седьмой год правления царя Пигмалиона сестра этого царя бежала в Ливию и основала Карфаген. Согласно хроникам Тира, это произошло через 155 лет и 8 месяцев после восшествия на престол Хирама, царя Тира и союзника Давида и Соломона, которые помогли ему возвести храм в Иерусалиме. Седьмой год правления Пигмалиона пришелся на 826 год до н. э., о котором писал Флавий. Это близко к дате Тимея, но не совпадает с ней (разницу в 13 лет можно объяснить либо несовершенной системой летосчисления, которую использовали восточные летописцы, либо ошибкой того, кто снимал копию).

На первый взгляд может показаться, что существовал какой-то финикийский источник, который Тимей и Менандер использовали независимо друг от друга и который относит основание Карфагена к правлению Пигмалиона. К сожалению, мы не можем быть уверены, что Менандер и Иосиф Флавий приводят правдивое изложение тирских хроник. При этом нет никаких сомнений, что оба они вводят в свой рассказ истории, взятые из какого-то другого источника. Вполне возможно, что одним из таких рассказов и стала ис-

тория о победе Элиссы, поскольку она характеризует царя Пигмалиона не с лучшей стороны, и вряд ли поэтому ее могли зафиксировать официальные писцы. Вполне возможно также, что Менандер и Флавий включили в свои книги рассказ, выброшенный из хроники Тимея. Этого автора они оба хорошо знали и часто цитировали.

Датировку Тимея признавало большинство античных авторов, в особенности Цицерон и Аппиан. Только Апион, противник Иосифа Флавия, считал, что Карфаген был основан позднее, в 751 году до н. э. Однако ни один критик той эпохи не признавал мнения этого дискредитировавшего себя автора⁴.

До недавнего времени критика информации, касающейся времени основания Карфагена, базировалась исключительно на сопоставлении текстов. Гсел хотя и неохотно, но признал дату, предложенную Тимеем, – 814 год до н. э. Белох же, наоборот, ее отвергал. И лишь недавно Форрер предложил другую дату – на полтора столетия позже, которая основывается исключительно на исторической критике. Он утверждает, что древние историки перепутали две финикийские колонии с одинаковыми названиями, а анализ надписей подтверждает, что кипрский город, известный в более позднее

⁴ Тимей датирует 814 годом до н. э. основание не только Карфагена, но и Рима. Обычно считалось, что Апион, говоря об одновременном появлении обоих городов, хотел согласовать эти даты с хронологией Рима, которая существовала в его дни. При этом Цицерон, Веллей Патеркул и многие другие готовы были признать, что Карфаген древнее Рима.

время как Китион, первоначально назывался Карт-Хадашт. Форрер утверждает, что в 814 году до н. э. Элисса, сестра Пигмалиона, основала Карфаген на Кипре, а африканский Карфаген был создан в 663 году до н. э. Дидоной и Анной, дочерьми тирийского царя Баалу, которые бежали из Финикии, чтобы не попасть в гарем Ашурбанипала Ассирийского. Тот же Вергилий сообщает нам, что отцом Дидоны был некий царь Белус, это имя очень похоже на латинизированную форму Баалу. К сожалению, Вергилий весьма вольно обращался с историей; он связывает бегство Дидоны с Троянской войной, то есть с XIII веком до н. э. Его Дидона, как мы уже сказали, приходилась дочерью царю Баалу, что не помешало ей быть сестрой Пигмалиона.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, столкнувшись с таким разбросом мнений, современные историки отложили древние тексты и обратились к археологическим находкам. Позже мы увидим, что самыми древними руинами, обнаруженными в Карфагене, являются останки часовни, которые располагаются в самых нижних слоях святилища Саламбо. В наши дни это святилище называется тофетом.

В этой часовне сохранилось собрание votivных греческих ваз, изготовленных между 750 и 725 годами до н. э. Эти артефакты говорят о том, что Карфаген был основан ближе к середине VIII века до н. э., то есть подтверждают предположение Апиона.

Конечно, никто не спорит, что нижние слои Карфагена исследованы еще недостаточно. Часовня, о которой мы говорили, была обнаружена Кинтасом только в 1947 году. Она располагается в той части тофета, которая, как считалось, была тщательно изучена до самого дна. До обнаружения останков этой часовни у ученых не было ни единого археологического доказательства того, что город появился раньше 700 года до н. э. Если бы у археологов была возможность изучить оставшуюся часть тофета, которая находится сейчас под застройкой, они, вполне вероятно, обнаружили бы и другие останки, говорящие о более раннем заселении этого места. Эти артефакты вполне могли бы быть древнее уже найденных.

Ученые, не согласные с тем, что Карфаген был основан в 814 году до н. э., указывают на то, что керамика, обнаруженная в могилах, относится к первой половине VIII века до н. э. или даже к его последней трети. Это справедливо и для горшков, найденных на самом дне тофета в пустотах подстилающих скалистых пород, на одном уровне с часовней Кинтаса. Вряд ли этот факт можно объяснить случайностью или незавершенностью раскопок. Во всех других местах, даже в тех, в которых раскопки велись весьма поверхностно, всегда предполагалось, что будут найдены керамические свидетельства более древнего периода колонизации. Трудно поверить, что финикийцы могли прожить более 80 лет в Карфагене, не оставив после себя ни малейшего следа.

Таким образом, в настоящее время проблема датировки

Карфагена еще не решена. Мы можем быть уверены только в одном – во второй половине VIII века до н. э. Карфаген уже существовал. Тем не менее следует подчеркнуть, что мы не можем использовать дату, предложенную Тимеем (814 год до н. э.) или Иосифом Флавием (826 год до н. э.), как хронологический критерий датирования археологического материала, найденного в девственной почве, но это вовсе не означает, что можно сбросить со счетов данные литературных источников. Вполне возможно, что корабли тирийских моряков бросили якорь в лагунах Ле-Крама, укрытых от ветров мысом Карфаген. Возможно также, что во главе этой экспедиции стояла царица по имени Дидона и что благодаря ее присутствию новый промежуточный торговый порт с самого начала стал более важным, чем другие финикийские аванпосты на западе. Как и они, этот порт представлял собой место стоянки морских кораблей, которые заходили сюда по пути или оставались в этих краях на зиму, благодаря чему появился новый экономический центр. На берегу, скорее всего, стояло всего лишь несколько маленьких домиков и один-два алтаря, сооруженные из легких материалов. На горе Бирса, вероятно, был оборудован наблюдательный пункт, охранявший этот порт. Возможно, постоянного населения здесь еще не было; проживало всего несколько стражников, которые, завершив свою службу в этом краю, возвращались домой в Финикию. Как мы увидим ниже, прошло целых сто лет, прежде чем в Карфагене появились экономические, со-

циальные, политические и религиозные структуры, которые и превратили его в город.

Карфаген. Ворота на запад

В настоящее время недостаток имеющейся у нас информации не позволяет воссоздать географические особенности первого поселения в Карфагене, созданного Дидоной и ее спутниками. Не можем мы похвастаться и тем, что имеем четкое представление о его социальной, политической и экономической жизни. Город упоминается в текстах, созданных еще до перехода власти в руки Магонидов, что произошло около 550 года до н. э. В них говорится, что ближе к 654 году до н. э. Карфаген послал отряд колонистов на остров Ивису Болеарского архипелага. Поэтому нашим единственным источником информации являются данные археологических раскопок, которые ограничиваются находками, сделанными в городском некрополе и в одном из святилищ, тофете в Саламбо, где сжигали тела принесенных в жертву детей и хоронили их прах.

Древние считали, что после смерти люди будут вести примерно такой же образ жизни, что и на земле, поэтому родственники клали в могилу все, что должно было пригодиться им в загробной жизни. Археологи нашли в могилах керамику, остатки сундуков, ювелирные украшения, туалетные принадлежности и амулеты. Все эти предметы, лежавшие вокруг тела, помогли нам убедиться, что город процветал, и познакомили нас с художественными изделиями, которые в

нем использовались. Первоначально Карфаген не имел своего производства, и все товары были привозными. Поэтому мы можем воссоздать, в определенной степени конечно, его торговые связи и периоды экономического роста и упадка.

В тофете в Саламбо было найдено несколько статуэток и впечатляющая коллекция керамических изделий, которые составляли неотъемлемую часть погребальных предметов. Начиная с 600 года до н. э. в сосуды, в которые складывали прах умерших, стали помещать небольшие вещицы. Это – миниатюрные часовни, троны и алтари, посвященные богам.

Тем не менее в наших знаниях о Карфагене имеются большие пробелы. Жизнь, которую вели мертвые, являлась лишь жалким подобием земной жизни. В отличие от Египта, например, ничто не говорит о том, к какому слою общества принадлежал умерший, или о том, какая роскошь и какие обстоятельства сопутствовали ему в жизни. Очень редко простой инструмент, вроде рыболовного крючка или блока веретена, давал нам некоторое представление о том, чем занимался их владелец. Но в целом мы ничего не знаем о профессии усопшего – был ли он жрецом, солдатом, торговцем или моряком. Во всех могилах была одна и та же мебель, и только тип керамики и богатство ювелирных украшений помогали определить финансовый статус умерших. Одежда покойника, несомненно, могла бы указать на его занятие и социальный статус, но она давным-давно истлела в сырой почве. У каждого человека имелось клеймо, на котором был вырезан

особый знак. Эти знаки, несомненно, снабдили бы нас бесценной информацией, если бы их удалось расшифровать. По одним этим останкам судить о социальной жизни или учреждениях Карфагена невозможно.

И наконец, мы не имеем огромного массива информации: не сохранилось никаких следов общественных или частных зданий, нет у нас ни планов, ни свидетельств о методах их сооружения. Отсутствуют и крупные артефакты вроде инструментов, которыми пользовались ремесленники и крестьяне, кораблей и снастей, а также вооружения воинов. Ниже мы приводим краткое описание пунических ремесел и торговли до 550 года до н. э.; следует, однако, помнить, что любое новое открытие может полностью изменить всю эту картину.

Первоначальный город

Мы не знаем, где располагалось самое первое поселение, из которого вырос Карфаген. Впрочем, финикийский обычай хоронить мертвых сразу же за городскими воротами позволил нам составить довольно точное представление о территории, которую занимал город, и о том, как он расширялся в течение веков. Самые первые могилы пунического Карфагена, датируемые 700 годом до н. э., протягиваются дугой по прибрежной равнине, лежащей за пляжами Тунисского залива, у основания холмов, выходящих на полуостров. Севернее линия захоронений тянется от подножия плато Бордж-Джедид на северо-западном берегу эстуария реки Малга. Это – сухое русло, которое в сезон дождей наполняется водой. Оттуда линия могил поворачивает на запад, пересекает это сухое русло и тянется до горы Юноны. Она проходит вдоль подножия этой горы, от места, называемого Дуимес, которое располагается на одном уровне с современной трамвайной линией, соединяющей Тунис с Марсой.

Круглая лагуна Дуар-Шотта, вероятно, отмечает южную границу древнего города, ибо за пределами современных берегов озера, в Саламбо, были обнаружены знаменитые места детских жертвоприношений. Эти жертвы приносились в честь Дидоны, на том самом месте, где когда-то находился ее погребальный костер, который, по словам Юстина, был

устроен под окнами ее дворца, у ворот города. И вправду, это святилище вряд ли могло располагаться в центре города, ибо даже легкий ветерок, дующий не туда, куда нужно, мог вызвать в городе пожар. Более того, маленькая часовня, которую Кинтас обнаружил на скале, на самом нижнем уровне раскопок, была, очевидно, частью первоначального царского некрополя. Кинтас считает, что первые поселенцы сошли на берег и разбили лагерь именно здесь. Как бы то ни было, время создания часовни, благодаря найденной в ней греческой керамике, датируется приблизительно 725 годом до н. э. Это не только остатки самого древнего поселения, обнаруженного археологами, но и единственный памятник, сохранившийся от первоначального города. Это – очень примитивное сооружение из земляных кирпичей, площадью всего 2 м². Оно состояло из центрального, почти квадратного, здания с консольным сводом, под которым располагался склад керамики. Перед ним был дворик, окруженный стеной, в которой находился алтарь, а на юге эта стена образовывала нечто вроде лабиринта. По-видимому, дома в городе сооружались по такому же плану; главным строительным материалом был плетень, обмазанный глиной, поскольку никаких следов карьера на холме обнаружено не было. Плиты песчаника, которые использовали пунические архитекторы в VI веке до н. э., привозили с другого берега залива, с Кап-Бона.

Ремесла и искусство

Сначала Карфаген был промежуточным портом на пути кораблей, шедших за металлом, и некоторое время оставался совсем незначительным поселением. Если город действительно был основан в 814 году до н. э. и если археологи действительно обнаружили самое древнее кладбище, то между созданием финикийского пристанища на африканском побережье и прибытием первых поселенцев со своими семьями, которые построили город, прошел целый век. Самые древние могилы датируются примерно 700 годом до н. э., и первые группы жертв Молоху, обнаруженные вокруг и поверх часовни Кинтаса, должны относиться к этому же времени.

Прошло еще несколько десятилетий, прежде чем в Карфагене появились свои ремесла и художественные промыслы. В самом начале тирийским морякам и купцам приходилось везти на своих кораблях все, что им могло понадобиться. Об этом нам говорит пример Телемаха, который сходил на берег только для того, чтобы пополнить запасы воды, дров, дичины и рыбы. Химический анализ показал, что глина, использовавшаяся для производства керамики, найденной в самых древних могилах и в самых нижних слоях святилища в Саламбо, отличалась по своей плотности от глины, из которой изготавливали изделия более поздних эпох. Изменения про-

изошли в середине VII века до н. э. Вот что пишет Кинтас: «У пришельцев возникли новые потребности, и они вскоре научились удовлетворять их на месте. Несмотря на то что на поиски залежей качественной глины, на организацию ее доставки, строительство печей для обжига, прокладки каналов для воды и открытия лавок для продажи керамики потребовалось время, гончары, по крайней мере, довольно быстро организовали производство, удовлетворявшее потребности города».

В повседневной жизни и экономике древних городов гончарное производство играло роль, которую очень трудно представить себе сейчас. Из глины делали блюда, тарелки, чаши, кувшины и кружки – стекло было очень дорогим; керамические изделия использовались для приготовления пищи, для хранения масла, вина и благовоний; вместо буфетов применялись большие кувшины. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в любом новом городе в первую очередь возникает гончарное производство. Тот факт, что пуническая керамика появилась лишь во второй четверти VII века до н. э., свидетельствует о том, что и сам город возник совсем недавно. Примерно в 700 году до н. э. появилось первое городское поселение. Кинтас пишет дальше: «Естественно, [гончары] изготавливали свои изделия в соответствии с технологиями, принятыми в своей родной стране, – это была керамика, созданная с помощью гончарного круга».

Более того, они придавали своим изделиям форму и укра-

шали их так, как это было принято в Финикии; поэтому очень трудно с первого взгляда определить, был ли горшок изготовлен в Карфагене или привезен с востока. Позже у керамики Карфагена появились свои отличительные черты; яркие, тщательно отполированные красные изделия постепенно исчезают из употребления, хотя финикийцы продолжали ввозить их в свои колонии на западе.

Фигурные изделия появились примерно в то же самое время; наиболее замечательными среди них являются маски демонов, которые клали в могилы. Они свидетельствуют о том, что гончары Карфагена ничуть не уступали в мастерстве своим тирийским коллегам, а самых умелых из них можно поставить на одну доску с греческими гончарами, и в особенности со спартанскими.

Хотя Карфаген возник благодаря своему выгодному положению на торговом пути, по которому перевозили металлы, руда, скорее всего, проходила через него транзитом. При раскопках были найдены лишь небольшие вещицы из железа и бронзы, использовавшиеся в повседневной жизни, причем очень низкого качества. Вероятно, качественные изделия привозились из других стран, и только очень дешевые предметы, вроде ручек для сундуков, рыболовных крючков, наконечников для стрел и небольших ножей, создавались местными кузнецами. Трудно сказать, были ли украшения из золота и серебра, найденные в могилах, произведены в Карфагене по старым финикийским образцам или импорти-

рованы из Тира или с Кипра. Справедливо было бы предположить, что ткани и изделия из дерева создавались в самом Карфагене, но доказать это мы не можем. Ясно одно: до V века до н. э., как мы убедимся позже, все предметы роскоши и основная часть готовых изделий ввозились из Тира и из других стран.

Торговля

Отсутствие до V века до н. э. собственного производства в Карфагене напоминает о том, что нам известно, как снабжался город, но сведений о том, кто покупал все эти товары, у нас нет. Гомер называл финикийских купцов торговцами вразнос (такowymi они и были), а их пунические потомки ничем от них не отличались. В течение всего описываемого периода карфагенские торговцы шли протоптанными тирийцами путями. Трудно сказать, имел ли Карфаген в этот период свой торговый флот или использовал суда метрополии. Некоторые факты подтверждают первое предположение, поскольку Карфаген находился на взлете, а Тир – клонился к упадку, и даже если Карфагенская колония на Ивесе появилась не тогда, когда это было зафиксировано в литературных произведениях (то есть в 654 году до н. э.), то через сто лет она уж точно существовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.